

Анна Шилд
Ада Огнева

ПРИКАЗ БОССА
ЛЮБИТЬ

18+

Ада Огнева

Приказ босса любить

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Приказ босса любить / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Долг отчима превращает жизнь Мирославы в охоту: ростовщики разбили окно её квартиры и добрались до младшей сестры. Остановить их может Глеб Беркут — босс, которому она меньше всего хотела бы оказаться обязанной. Его условие звучит безжалостно: переехать в пентхаус и стать его женщиной. Мирослава готова торговаться за всё, кроме собственной гордости. Глеб привык, что последнее слово остаётся за ним. Пока за дверью ждут вымогатели, внутри начинается другая борьба. И уступка в ней может оказаться опаснее любого долга.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Шилд

Приказ босса любить

Приказ босса любить

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Тяжелая противопожарная дверь захлопнулась за спиной с глухим металлическим лязгом, отсекая приглушенный гул вечернего холла «Беркут Плаза».

На минус втором уровне подземного паркинга пахло сырым бетоном, едкой влагой растаявшего октябрьского снега и остывшим машинным маслом. Под сводами тянулся тяжелый сквозняк вытяжки. Длинные люминесцентные лампы в грязно-серых сетчатых плафонах горели через одну, роняя на наливной пол блеклые пятна света и оставляя пространство между массивными опорами во власти плотного мрака.

Мирослава сжала зубы, торопливо спускаясь по бетонным ступеням. Тонкие каблук ее классических лодочек отбивали частую, нервную дробь. Эхо металось меж пустых стен, и девушке чудилось, будто за ней кто-то идет следом — неслышно, принаравливаясь к сбиту дыханию.

В кармане пальто снова задрожал телефон.

Короткая судорожная вибрация ударила в бедро. Мирослава достала старенький смартфон с паутиной трещин на стекле. Экран вспыхнул резким белым светом:

«Осталось два часа сорок минут, Ямпольская. В полночь карета превратится в тыкву, а твоя сестренка — в наш лучший аттракцион. Фото на память».

Вторым файлом подгрузился снимок. Мирослава споткнулась, едва не выронив кожаную папку с квартальными финансовыми отчетами холдинга.

На фотографии была запечатлена Алиса. Семнадцатилетняя, хрупкая, в нелепой вязаной шапке с помпоном. Она стояла на крыльце музыкального училища имени Гнесиных, прижимая к груди черный футляр со скрипкой, и шурилась от мокрого снега. Снимок был сделан с расстояния трех метров, через лобовое стекло чужой машины. Кто-то хладнокровно вел прицел.

К горлу подступила горячая, удушливая тошнота.

Двадцать миллионов рублей.

Эту сумму три дня назад назвал по телефону хриплый голос Игоря Ковалю — криминального ростовщика, державшего подпольные катраны в восточной промзоне. Отчим Мирославы, карточный игрок Валерий Карташов, сбежал, оставив под залог их родительскую квартиру и пачку долговых расписок. А сегодня днем в окно их кухни влетел увесистый булыжник с запиской: «Срок до полуночи».

Мирослава смахнула со лба влажные каштановые пряди и почти побежала в дальний угол сектора «С», к сорок второй колонне. Там стоял ее старый темно-синий «Ниссан». Единственный шанс: доехать до дома, забрать Алису, ноты, документы и рвануть на вокзал, на ночной поезд до Владимира.

Она уже сжала ключи, целясь в кнопку брелока, когда тишину подземелья разорвал низкий, сытый бас многолитрового двигателя.

Из-за широкой опоры выкатился черный рамный Toyota Land Cruiser 200 с наглухо тонированными стеклами и погашенными фарами. Внедорожник встал поперек проезда под прямым углом, намертво блокируя выезд ее малолитражки.

В следующую секунду вспыхнули диоды радиатора.

Слепящий сноп света ударил Мирославе в лицо. Она вскрикнула, заслоняясь кожаной папкой. Вокруг заплясали багровые круги.

Хлопнули тяжелые двери. Из джипа вышли двое.

Слева шагнул коренастый детина в кожаной куртке — Штырь, старший вышибала Ковалю. Бритый череп пересекал шрам, перебитый нос лежал набок, в правой руке поблескивал стальной стержень телескопической дубинки. Справа обогнул капот двухметровый амбал Костыль в спортивной куртке с капюшоном.

— Куда спешишь, Ямпольская? — осклабился Штырь, сплевывая сквозь зубы на пол. — Мы уж думали, придется к твоему боссу в кабинет ломиться. Красиво жить не запретишь: офис из золота, юбочка в обтяжку, а по счетам платить папаня не научил?

Мирослава отступила назад, пока лопатки не уперлись в холодный бетон сорок второй колонны.

— Отойдите от машины. Здесь частная территория «Беркут Групп». Камеры пишут каждый шаг. Охрана будет тут через минуту.

— Охране на шлагбауме полтинник сунули, дура, — хмыкнул Костыль. — Слепая зона. Никто не придет.

— Короче, базар окончен, — Штырь шагнул вплотную, обдав ее запахом перегара и дешевого курева. — Коваль ждать передумал. Садись в тачку по-хорошему. Поедешь в клуб «Венеция». С твоим личиком за годик половину процентов отобьешь. А будешь ласковой — сестренку не тронем, скрипку ей оставим.

При упоминании Алисы страх внутри Мирославы выгорел, оставив слепую ярость.

Штырь выбросил вперед руку в черной перчатке, хватая ее за ворот пальто.

Мирослава не стала пятиться. С коротким выдохом она перехватила тяжелую кожаную папку с металлическими углами и со всей силы обрушила ее в переносицу бандита.

Хрящ хрустнул неожиданно сухо. Штырь взвыл, роняя дубинку и хватаясь за лицо, из-под пальцев брызнула кровь. Папка распахнулась, ведомости и балансы веером взметнулись в воздух, закружившись белыми птицами.

Не давая ему опомниться, Мирослава вонзила острый девятисантиметровый каблук-шпильку прямо в подъем его ботинка.

— Сука бешеная! — взревел бандит, оседая на колено. — Костыль, вяжи ее!

Она рванулась в сторону, но сзади обрушилась неподъемная масса.

Костыль настиг ее в один прыжок. Вонючая кожаная ладонь намертво запечатала рот и нос, лишая кислорода. Вторая рука обхватила талию, сминая ребра, и оторвала Мирославу от

пола. Девушка забила, ногтями сдирая кожу с перчатки громилы. Правая туфля со сломанным каблуком сорвалась с ноги, упав в лужу.

— Дергаешься, мразь? — просипел Костыль, волоча ее к открытой двери джипа. — Сейчас в багажник кину...

Воздух в легких иссаяк. В глазах поплыли черные круги.

И в этот миг бетонный пол паркинга содрогнулся.

Яростный, низкий рев шестилитрового твин-турбо V12 разорвал тишину, словно залп тяжелого орудия. Из-за пандуса, с визгом вгрызаясь шинами в наливной пол, вылетел угольно-черный бронированный Mercedes-Maybach S680 Guard.

Он летел на скорости под восемьдесят километров в час, даже не пытаясь тормозить.

Тяжелый бронированный нос лимузина на полном ходу впечатался в борт бандитского внедорожника.

Звук был оглушителен: скрежет сминаемого металла, хруст лопающихся стекол, треск разорванной подвески. Двухтонный Land Cruiser отшвырнуло на полтора метра и вжало в стену. Волна сжатого воздуха ударила по ногам.

Костыль от неожиданности разжал пальцы, и Мирослава осела на колени на холодный бетон.

Дверь «Майбаха» распахнулась с глухим оружейным щелчком. Из салона шагнул Глеб Сергеевич Беркут.

Черное кашемировое пальто распахнуто, открывая темно-серый костюм-тройку и белоснежную рубашку с расстегнутым воротом без галстука. На коротких темных волосах блестели капли дождя. Квадратная челюсть заросла трехдневной щетиной. А глаза цвета штормовой балтийской стали горели таким ледяным бешенством, что воздух вокруг него вымерзал.

Он сделал три широких шага. В нем не было суеты — только сокрушительная мощь хозяина города.

Штырь, зажимая окровавленный нос, с безумным оскалом подобрал дубинку:

— Беркут, б... Не лезь! Это тема Кова...

Глеб даже не моргнул. Лево́й рукой он на лету перехватил опускающийся стальной прут дубинки голой ладонью, а правой жестко ухватил Штыря за запястье.

Один поворот кисти против часовой стрелки. До упора. И еще на четверть оборота дальше.

Сухой треск рвущихся связок и ломающихся костей прозвучал громче удара машин. Штырь захлебнулся воем, рухнув на колени и глядя на неестественно вывернутую наружу кисть.

— Твою мать! — взревел Костыль, выхватывая массивный выкидной нож. Лезвие щелкнуло. Он бросился наперерез, целясь Беркуту в живот.

— Глеб Сергеевич, сзади! — крикнула Мирослава.

Беркут лишь качнул корпусом, пропуская сталь в сантиметре от пиджака.

Отпустив Штыря, он развернул правую ладонь. Короткий удар ее основанием снизу вверх вошел точно в челюсть Костыля. Зубы амбала клацнули, голова запрокинулась, нож улетел под колеса разбитого джипа.

Прежде чем великан потерял равновесие, пальцы Беркута сомкнулись на его горле.

Глеб шагнул вперед и всем весом впечатал стодвадцатикилограммовую тушу затылком в грань железобетонной опоры.

Глухой костяной гул сотряс колонну. Штукатурка брызнула на плечи бандита, глаза его закатились, и двухметровый амбал бесформенным кулем сполз на пол, оставив на бетоне темный след.

На паркинге воцарилась звенящая тишина, перебиваемая лишь шипением радиатора да скулежом Штыря.

Из водительской двери «Майбаха» бесшумно вырос Руслан — исполин со шрамом через бровь, держа опущенный пистолет Ярыгина.

Беркут медленно повернулся к Штырю, который на коленях полз назад, волоча сломанную руку.

Глеб сделал шаг и неторопливо опустил носок начищенного черного оксфорда Berluti прямо на пальцы здоровой руки вымогателя.

И начал переносить вес тела.

Под подошвой скрипнула кожа перчатки. Штырь взвыл, уткнувшись лбом в мокрый бетон:

— А-а-а-а! Пощадите!

Беркут наклонился чуть ниже. Его голос зазвучал тихо, бархатно, скрежеща железом:

— Передай Ковалю дословно. Каждое слово. Если он или хотя бы одна его шавка приблизится к этой девушке или ее сестре... Я не пойду в полицию. Я лично вырву ему кадык. А его тушу закатаю в основание четвертой опоры нового моста. Живьем. Ты меня понял?

— Понял... Всё передам... Понял, Глеб Сергеевич!

Беркут убрал ногу, брезгливо вытерев носок туфли о штанину вымогателя:

— Забирай свой мусор и проваливай. У вас минута.

Штырь, захлебываясь слезами, ухватил сообщника за воротник уцелевшей рукой и потащил к пандусу. Руслан проводил их взглядом, затем вызвал пост: забрать обоих у выезда. Разбитый джип остался у стены, шипя паром.

Мирослава сидела на коленях. На правом колене сквозь разорванный капрон сочилась кровь. Руки колотило неуправляемой дрожью. Она попыталась собрать растоптанные ведомости:

— Отчеты... Глеб Сергеевич, бумаги намокнут...

Перед ее глазами встали начищенные носки туфель.

— К черту отчеты, Ямпольская.

Она не успела вскинуть голову. Тяжелые горячие руки подхватили ее под спину и колени. Земля ушла из-под ног. Мирослава вскрикнула, инстинктивно вцепившись пальцами в лацканы его кашемирового пальто.

Беркут прижал ее к своей каменной груди так легко, будто она ничего не весила.

Сквозь ткань она почувствовала обжигающий жар его тела. Его сердце стучало тяжело и мощно. От него пахло вирджинским табаком, черным перцем, кедровой смолой и морозным озоном. Этот запах накрыл ее целиком, выбивая из легких последние остатки воздуха.

— Пустите... я сама... могу идти...

Беркут посмотрел на нее сверху вниз. В его стальных глазах полыхнул такой темный, голодный огонь, что слова застряли у нее в горле.

— Ты стоять не можешь, птичка.

Он развернулся и широкими шагами понес ее к приватному лифту, бросив через плечо Руслану:

— Ее машину в закрытый бокс. Паркинг вычистить. Никаких протоколов.

— Сделаю, Глеб Сергеевич.

Створки лифта мягко сомкнулись, отсекая стылый мрак подземелья.

Глава 2

Скоростной приватный лифт взмывал ввысь без единой остановки. В зеркальной шахте закладывало уши от стремительного перепада давления. Мирослава лежала на руках Беркута, прижатая к его теплой груди, чувствуя, как внутри всё обрывается в невесомость. Его ладони держали ее с неумолимой силой, не позволяя даже шелохнуться.

Створки разошлись с тихим шелестом.

Они оказались в личном кабинете Глеба Беркута на пятидесятом этаже.

Пространство потрясло своим размахом. Шестиметровые панорамные витражи открывали захватывающий вид на ночную Москву: темная лента реки, вспышки рекламных экранов на мостах и бесконечные нити автомобильных фар, текущие по набережным под холодным дождем. Вдоль дальней стены высились стеллажи из темного мореного дуба, заставленные архивными чертежами и редкими изданиями. Посреди зала стоял массивный стол из черного гранита и трехметровый диван из потертой коньячной кожи. В воздухе витал горьковатый аромат дорогого табака, кедра и выдержанного торфяного виски.

Беркут прошел через кабинет и осторожно опустил Мирославу на кожаный диван.

Она тут же попыталась поджать ноги под себя, заливаясь краской стыда. Правая нога была босой, пальцы перепачканы пылью паркинга, на разорванном капроне запеклась темная кровь, а подол строгой графитовой юбки задрался почти до середины бедра.

— Сиди смирно, — бросил Глеб не оборачиваясь.

Он сбросил тяжелое пальто на спинку кресла. Снял пиджак, оставшись в темно-сером жилете и рубашке. Расстегнул манжеты, аккуратно закатав рукава до локтей. На его предплечьях бугрились плотные канаты мышц, темные волоски покрывали загорелую кожу, а на левом запястье поблескивал массивный хронометр Patek Philippe из белого золота.

Глеб подошел к встроенной панели у бара, достал армейский кейс аптечки и вернулся к дивану.

И сделал то, от чего у Мирославы перехватило дыхание.

Мужчина, чье имя заставляло бледнеть министров и перед чьим капиталом преклонялись девелоперы, опустился перед ней на одно колено прямо на шерстяной ковер.

Его пальцы мягко подцепили задник ее уцелевшей левой туфли и стянули лодочку со ступни, отставив обувь в сторону. А затем его тяжелая, обжигающе горячая ладонь легла на ее ледяную правую щиколотку.

Мирославу прошибло разрядом тока. По спине прокатилась мелкая судорожная волна, волосы на руках встали дыбом. Контраст между ее озябшей кожей и его пышущей жаром ладонью был почти болезненным, интимным, переворачивающим нутро. Пальцы Беркута — сильные, с аккуратными ногтями и мозолями бойца — профессионально прошли по связкам сустава.

— Больно? — спросил он, не поднимая головы.

— Нет... — выдохнула она пересохшими губами, боясь пошевелиться.

— Похоже на ушиб. Врач посмотрит, когда устроимся. А пока обрабатываем колено.

Он щелкнул замком кейса, смочил марлевую салфетку хлоргексидином и прижал к разбитому колену.

Мирослава зашипела сквозь зубы, дернувшись. Его свободная рука тут же легла ей на бедро чуть выше колена, жестко фиксируя ногу:

— Терпи. Не дергайся.

Большой палец Беркута при этом случайно скользнул по нежной полоске обнаженной кожи над разорванным краем чулка. Прикосновение обожгло, словно раскаленное клеймо. Мирослава судорожно втянула воздух, ее грудь под шелковой блузкой взметнулась. Глеб на долю секунды замер. Его пальцы едва заметно сжали шелк юбки, а зрачки в серых глазах потемнели, расширившись до краев радужки.

Он наложил бактерицидный пластырь, аккуратно опустил ее ногу на ковер и поднялся.

Только сейчас Мирослава поняла, насколько он огромен. В своем кабинете, на фоне ночной панорамы, он казался несокрушимой каменной глыбой.

Беркут подошел к бару, плеснул в хрустальный рокс два пальца скотча, сделал глоток и повернулся к ней, прислонившись бедром к краю гранитного стола.

— А теперь говори, Ямпольская. Всё. С самого начала.

Мирослава нервно сцепила пальцы в замок на коленях:

— Глеб Сергеевич... Это мои личные проблемы. Они не имеют отношения к холдингу. Я завтра же подам заявление об уходе, чтобы не бросать тень на репутацию фирмы...

— Заткнись, — ледяным, бархатным тоном оборвал он. — Ты работаешь моим личным референтом полгода. Знаешь расписание моих встреч, структуру активов и людей, с которыми я веду войну. Из «Беркут Групп» не увольняются по собственному желанию, когда под окнами паркуются шакалы Ковалю. Сколько?

Мирослава зажмурилась. Стыд жег щеки, но бежать было некуда.

— Двадцать миллионов рублей. Основной долг. И еще десять миллионов Коваль насчитал сверху в качестве штрафных процентов.

— Твой отчим?

— Да. Валерий. Он игрок... Брал деньги под залог родительской квартиры, подделывал расписки. Три дня назад исчез. Отключил все телефоны. А сегодня... днем они выбили кирпичом стекло на кухне. И прислали мне фотографию Алисы у Гнесинки. Сказали, что если до полуночи я не найду деньги... сестру увезут в загородный закрытый притон. Ей семнадцать лет, Глеб Сергеевич! Она ребенок! Скрипачка, круглая отличница, на улицу боится одна выйти вечером!

Слезы, которые Мирослава держала в себе трое суток, наконец брызнули из глаз. Она закрыла лицо ладонями, ее плечи затряслись в беззвучном рыдании. Она ненавидела свою слабость перед этим холодным, безжалостным титаном.

В кабинете повисла густая тишина. Лед глухо ударился о хрусталь бокала в руке Беркута.

Глеб допил виски одним глотком и поставил стакан на камень со звонким стуком.

— Коваль — стервятник. — Беркут провел пальцем по мокрому кругу, оставшемуся на камне. — Скупает токсичные расписки таких придурков, как твой отчим, чтобы через шантаж отжимать недвижимость. Твоего отчима найдут в канаве через месяц, это вопрос решенный.

Он оттолкнулся от стола и подошел к дивану.

— Я закрою этот вопрос за один телефонный разговор.

Мирослава медленно отняла руки от мокрого лица, недоверчиво глядя на него снизу вверх.

— Завтра в десять утра мои юристы выкупят все расписки Карташова до единого листа. Нотариальные отказы от претензий лягут мне на стол к полудню. Твою сестру прямо сейчас заберут мои люди и перевезут в закрытый пансионат на Новой Риге. Частная территория, охрана с оружием, пропускной режим по биометрии, лучшие преподаватели консерватории. Ни одна живая душа не подойдет к ней без моего разрешения.

В груди Мирославы вспыхнула робкая, отчаянная надежда:

— Спасибо... Господи, спасибо вам, Глеб Сергеевич! Я все отдам! Подпишу договор беспроцентной ссуды. Буду работать без выходных по шестнадцать часов в сутки, вычитайте всю мою зарплату до копейки...

Беркут тихо, глухо усмехнулся. В его усмешке был лишь темный оскал зверя, загнавшего добычу в угол.

Он шагнул вперед, наклонился над диваном и уперся широкими ладонями в спинку по обе стороны от ее плеч. Мирослава оказалась зажата в глухом капкане. Его лицо было в нескольких сантиметрах. Она ощущала его горячее дыхание с привкусом торфяного скотча и жгучего перца. Мускулистое тело закрыло собой весь свет ночного города.

— Ты правда держишь меня за идиота, Ямпольская? Думаешь, мне нужны твои грошовые вычеты из зарплаты? Благотворительность меня не интересует. За тридцать миллионов рублей я беру то, что хочу.

— Что... что вы хотите? — ее голос сорвался на шепот.

— Тебя, — ответил Беркут. — В постель по договору я тебя тащить не стану. Но месяц ты будешь рядом.

Первое слово заглушило для Мирославы все остальное.

— Ты собираешь вещи и переезжаешь ко мне в пентхаус на пятьдесят второй этаж, — отчеканил он, глядя ей прямо в зрачки штормовыми глазами. — Живешь под моей крышей. Спишь в спальне напротив моей. Выходишь со мной на все протокольные рауты и закрытые ужины как моя официальная женщина. Ты принадлежишь мне без права на возражения, истерики и капризы. Срок — один месяц. За этот месяц я уничтожу Ковалья, заберу его лицензии и похороню его бизнес. После этого ты получишь чистые документы на квартиру, сожженные расписки отчима и полную свободу.

Кровь бросилась Мирославе в голову горячей волной:

— Содержанка?! Вы хотите купить меня как вещь?! За долги отчима?!

— Слово «содержанка» оставь для бульварных романов, — ледяной тон Беркута хлестнул ее по щекам. — Ты будешь женщиной Беркута. Моей спутницей. Мне нужно твое полное подчинение.

— А если я откажусь?!

Беркут выпрямился. Взгляд его стал абсолютно мертвым:

— Если ты скажешь «нет» — прямо сейчас выходишь из этого кабинета на улицу. Без туфель. Босиком. И через сорок минут твоя сестра будет в багажнике бандитского джипа по дороге в притон. А я не пошевелю пальцем. Выбирай, Мирослава. Срок — десять секунд.

Перед глазами Мирославы вспыхнула Алиса со скрипкой. Маленькая, беззащитная девочка... Выбора не существовало. Этот хищник просчитал каждый ее шаг.

Мирослава медленно выпрямила спину. Вскинула подбородок, глядя прямо в хищное лицо олигарха. В ее огромных карих глазах зажглись золотые, яростные искры негибимой гордости:

— Хорошо. Я принимаю ваши условия.

Уголок губ Беркута дрогнул в победной усмешке.

— Но запомните, Глеб Сергеевич: вы купили мое послушание. Мое присутствие в этом доме. Но мою душу вы не купите никогда. Для меня вы остаетесь чужим человеком. И это — просто кабальный контракт.

В серых глазах Беркута вспыхнул темный, хищный азарт охотника:

— Душа — бесполезный актив, птичка. Оставь ее себе. А твоего тела и послушания мне будет более чем достаточно.

Он глянул на наручные часы:

— Двадцать два ноль пять. Руслан ждет внизу у лимузина. У тебя ровно сорок минут, чтобы забрать сестру и собрать свой чемодан. Время пошло.

Глава 3

Кортеж из запасного бронированного «Майбаха» и тяжелого микроавтобуса сопровождения влетел в спальный район на северо-восточной окраине города.

На последнем повороте лимузин подбросило, и Мирослава узнала выбоину возле своего двора. Разбитые панельные хрущевки стояли в темноте серыми надгробиями. Мокрый асфальт во дворах был изрезан глубокими колеями с черной жижей. Светодиодные прожекторы машин Беркута полоснули по облупившимся фасадам, вырывая из мрака мусорные баки и мокрые кусты шиповника.

Машины замерли у третьего подъезда.

Беркут вышел первым. Холодный октябрьский ветер с ледяной крупой вцепился в полы его пальто, но он даже не повел бровью. Он подал Мирославе руку, помогая выбраться из салона. Без туфель, в одних тонких капроновых чулках, она бы мгновенно промочила ноги в ледяной жиже, но Беркут не дал ее ступням коснуться грязи: поднял на руки и понес к подъезду, а затем по лестнице к ее квартире.

Двое оперативников службы безопасности в черных куртках без опознавательных знаков бесшумными тенями взлетели по ступеням на третий этаж, проверяя площадку.

— Чисто, Глеб Сергеевич, — коротко доложил старший по рации.

Беркут опустил Мирославу на сухой пол перед ее дверью.

Мирослава достала из сумочки связку ключей. Пальцы дрожали, пока тяжелая ладонь Беркута не накрыла ее руку, направляя жало ключа точно в скважину. Металлический замок щелкнул дважды.

Дверь распахнулась.

В нос ударил знакомый запах: дешевая валерьянка, остывший мятный чай, сырая штукатурка и уличный сквозняк. В тесной прихожей горела единственная тусклая лампочка под

потолком. На полу лежали мелкие осколки стекла. Из крошечной кухни доносился надрывный, судорожный плач.

Мирослава скинула пальто прямо на руки Беркуту и бросилась вперед.

Семнадцатилетняя Алиса сидела на деревянном табурете в углу, сжавшись в крошечный дрожащий комочек. На ней был старый вязаный кардиган, пальцы до белизны сжимали колени. Окно кухни было выбито напрочь: проем закрывала строительная пленка на сером скотче, которая утробно хлопала от ветра, впуская мороз. А на столе, прямо поверх клеенки с ромашками, лежал увесистый гранитный булыжник, густо обмотанный лентой.

— Алиса! — Мирослава упала перед сестрой на колени прямо на линолеум, обхватывая ее руками.

Девочка с плачем уткнулась ей в шею:

— Мира! Господи, Мирочка! Они звонили опять! Полчаса назад звонили! Мужчина с хриплым голосом... Сказал, что Валерий проиграл всё, и они приедут в полночь с ломami, выломают дверь и заберут меня... Я звонила в полицию, Мира! А дежурный в райотделе наорал на меня и сказал, что на пьяные разборки у них нет бензина!

— Тише, маленькая моя, тише... — Мирослава гладила сестру по светлым волосам, целуя холодные виски и едва сдерживая слезы. — Всё закончилось. Слышишь меня? Кошмар закончился. Больше никто сюда не придет.

— Кто это, Мира? — Алиса вдруг замерла, широко распахнутыми серыми глазами уставившись в дверной проем кухни.

В узком проходе стоял Глеб Беркут. В этой нищей пятиметровой хрущевской кухне с советским гарнитуром его колоссальная фигура казалась порождением иной, недостижимой реальности. Дорогой костюм, запах кедровой смолы и сигарилл, хищный разворот гранитной челюсти и абсолютная аура власти.

Мирослава поднялась, прижимая дрожащую сестру к себе:

— Алиса, это Глеб Сергеевич Беркут. Мой генеральный директор. Наш холдинг патронирует специальный благотворительный фонд поддержки молодых талантов. Твою запись с академического конкурса скрипачей показали попечительскому совету. Тебе выделили персональный президентский грант.

Алиса растерянно моргнула, смахивая слезинки с длинных ресниц:

— Грант?..

— Да. Полный пансион на год в закрытой академической резиденции на Новой Риге. Отдельный класс для репетиций, лучшие профессора консерватории, круглосуточная охрана. Ты уезжаешь прямо сейчас.

Девочка перевела взгляд на Беркута. Тот скупно наклонил голову:

— Машина ждет внизу, Алиса. Руслан позаботится о твоём багаже. В резиденции тебя уже ждут: горячий ужин, отдельный номер и тишина. Никаких коллекторов там нет и быть не может.

В кухню бесшумно вошел Руслан. Он подхватил стоявший у серванта черный кофр со скрипкой немецкого мастера Штайнера — семейной реликвией, на которой играл их отец. Два собранных Алисой чемодана забрал оперативник из прихожей.

Мирослава крепко поцеловала сестру в лоб:

— Поезжай, родная. Телефон держи включенным. Занимайся музыкой и ни о чем, слышишь, ни о чем не тревожься. Я обо всем позабочусь.

Алиса всхлипнула и покорно пошла за Русланом к выходу. Хлопнула входная дверь: самое дорогое, что было в жизни Мирославы, теперь находилось в безопасности.

В квартире воцарилась глухая тишина, нарушаемая лишь свистом ветра сквозь полиэтилен. Мирослава медленно выдохнула. Но на смену панике пришло ледяное осознание собственного положения: она осталась один на один с титаном, выкупившим ее жизнь.

— У тебя осталось двадцать пять минут, — негромко напомнил Беркут, прислонившись к дверному косяку.

Она прошла в спальню. Включила настольную лампу. Из-под кровати вытащила старый кожаный саквояж, сложила смену белья, любимый темно-зеленый свитер крупной вязки, паспорт, диплом архитектурного института с отличием, папку студенческих эскизов, альбом матери и деревянную шкатулку с бабушкиным серебряным кулоном. Мама сейчас была у себя на Ордынке; Мирослава отправила ей короткое сообщение, что они с Алисой переночуют вне дома.

Она уже застегивала латунную молнию саквояжа, когда на прикроватной тумбочке с дребезжащим звоном ожил ее старый смартфон Xiaomi. Экран вспыхнул ядовитым светом:

«Игорь Коваль».

Мирослава замерла, пальцы онемели. Сердце сделало судорожный толчок и застряло в гортани.

Она не успела даже протянуть руку. Тяжелая мужская ладонь легла поверх ее пальцев, мягко отстраняя девушку. Беркут взял вибрирующий телефон, взглянул на экран и неторопливо нажал громкую связь.

Из динамика полился густой, прокуренный мат:

— Ну че, б...дь, Ямпольская?! Допрыгалась?! Мне только что пацаны из травматологии отзвонились: у Штыря открытый оскольчатый перелом запястья, у Ромы черепно-мозговая с сотрясением! Ты думаешь, если Беркут за тебя один раз впрягся, он тебя вечно прикрывать будет?! Да он наиграется с тобой за два дня и вышвырнет на панель! А я с тебя за пацанов шкуру спущу живьем! Сестренку твою завтра в закрытый гараж спустят, пустят по кругу, а потом...

Беркут поднес телефон к губам. Мирослава приготовилась услышать крик, но он произнес всего два слова, и ругань в динамике захлебнулась:

— Коваль. Это Беркут.

В динамике мгновенно наступила мертвая, гробовая тишина. Поток мата оборвался на полуслове. Слышно было лишь, как ростовщик судорожно втягивает воздух сквозь зубы.

— Г-глеб... Глеб Сергеевич?.. Вы... вы на громкой?..

— Слушай меня внимательно, падаль. С этой секунды Мирослава Ямпольская и ее сестра — моя исключительная собственность. Они находятся под моим личным прикрытием. Завтра ровно в десять утра в твою конуру на промзоне приедет мой главный юрист. Он привезет двадцать миллионов рублей наличными. И заберет все оригиналы расписок, векселей и договоров залога квартиры Карташова. До единой бумажки.

— Но... Глеб Сергеевич... там же проценты... пацаны в больнице...

— Если ты попытаешься заикнуться про проценты, — отчеканил Беркут, — в одиннадцать утра ОМОН и налоговая начнут штурм всех твоих шести подпольных катранов. Лицензии твоих охранных фирм аннулируют к полудню. А к вечеру тебя найдут на дне реки с тридцатью килограммами рельсового чугуна на шее. Ты всё понял, шакал?

— Понял... — едва слышно просипел Коваль, теряя последние остатки спеси. — Всё понял, Глеб Сергеевич... Никаких претензий... Расписки отдадим в десять утра... Девушку пальцем никто не тронет, клянусь...

— Номер этот забудь. Еще один звонок на этот аппарат — и ты труп.

Беркут сбросил вызов. Не отводя взгляда от Мирославы, он положил пластиковый корпус ее смартфона на ребро дубового дверного косяка.

И обрушил на него основание тяжелой ладони.

Раздался сухой, трескучий хруст. Корпус лопнул пополам, текстолитовая плата треснула, защитное стекло осыпалось крошкой, из щели показался край погнутой платы. Беркут смахнул обломки в мусорное ведро у двери:

— Старой жизни больше нет, Мирослава. Связей с прошлым — тоже.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака узкий брусок из матового темно-серого титана с выгравированным профилем беркута — гербом холдинга:

— Защищенная корпоративная спецсвязь «Беркут Групп». Спутниковый зашифрованный канал. Здесь вшиты мой личный номер, номер Руслана и прямой коммутатор резиденции твоей сестры. Остальные контакты и банковские приложения перенесет служба связи; матери сможешь звонить сама. Телефон всегда при тебе. Ты обязана отвечать с первого гудка. Днем, ночью, в душе, в постели. Задержка ответа карается жесткими санкциями. Бери саквояж. Время вышло.

Мирослава сжала в руке тяжелый холодный титан, подхватила саквояж и перешагнула порог квартиры, в которой осталась вся ее прошлая, свободная жизнь.

Глава 4

Скоростной приватный лифт с персональным биометрическим доступом поднимался на пятьдесят второй этаж почти бесшумно. Только едва уловимый гул мощных магнитных лебедок да легкое закладывание в ушах напоминали о стремительном наборе высоты.

Створки разошлись в стороны. Мирослава замерла на пороге, невольно задержав дыхание.

Лифт открывался прямо в грандиозный двухуровневый холл пентхауса площадью более шестисот квадратных метров. Холодное величие пространства ошеломляло. Пол был выложен плитами полированного черного гранита Nero Marquina, отражавшего редкие янтарные софиты. Вдоль всей внешней стены тянулись колоссальные восьмиметровые витражи от пола до потолка.

За этим стеклом лежала бездна.

Ночной мегаполис на высоте двухсот метров казался гигантской чашей, до краев наполненной расплавленным золотом и неоновыми искрами. Нити автомобильных фар на магистралях сплетались в светящиеся спирали, темная гладь реки отражала огни набережных, а над головой клубились низкие грозовые тучи.

Мирослава сделала несмелый шаг вперед. Без обуви, ступая по черному камню в разорванных чулках, она ожидала почувствовать ледяной холод, но гранит оказался ласково теплым — встроенный подогрев мягко согревал озябшую ступню.

Руслан аккуратно опустил ее потертый кожаный саквояж на дубовую консоль у входа.

— Свободен, Руслан. До утра, — не оборачиваясь, бросил Беркут.

— Доброй ночи, Глеб Сергеевич.

Начальник охраны коротко склонил голову, бесшумно шагнул в кабину лифта, и двери сомкнулись с едва слышным шипением пневматики. Они остались одни.

В огромном, пустом пространстве пентхауса повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным потрескиванием газового пламени в камине из рваного сланца, встроенном в центральную стену.

Беркут сбросил тяжелое кашемировое пальто прямо на низкую гранитную банкетку. Его движения были ленивыми, плавными — повадки сытого хищника в своем неприступном логове. Он подошел к барному острову из полупрозрачного кварцита с мягкой подсветкой, достал из холодильника запотевший графин с ледяной водой и наполнил широкий стакан.

Сделал несколько долгих глотков, запрокинув голову, и оставил стакан на стойке. Мирослава невольно проследила за тем, как двигается его мускулистая шея с выступающим кадыком. Затем Беркут повернулся к ней, скрестив руки на груди и оперевшись бедром о кварцевую стойку.

Взгляд его штормовых серых глаз медленно, с тягучей неторопливостью скользнул по ее фигуре: от растрепанных темно-каштановых локонов к расстегнутому вороту молочной шелковой блузки, тонкой талии в графитовой юбке и вниз — к разбитому колену с пластырем и босым ступням на зеркальном граните.

Мирослава инстинктивно обхватила себя за плечи в защитном жесте. Щеки обожгло стыдливым румянцем: контраст между ее потрепанным видом и подавляющим великолепием этих чертогов резал по живому.

— Ты стоишь так, будто ждешь расстрела, Ямпольская, — насмешливо произнес Беркут. — Расслабься. Я не бросаюсь на женщин в прихожих. У меня достаточно терпения, чтобы дожидаться момента, когда ты сама захочешь сделать шаг навстречу.

— Я никогда не захочу этого, Глеб Сергеевич, — ее голос прозвучал тихо, но с железной убежденностью. — Я здесь только ради Алисы. И только на условиях контракта.

— Контракт так контракт, — он холодно усмехнулся и отодвинул стакан к графину. — Тогда слушай правила этого дома, птичка. Запоминай с первого раза. Повторять дважды я не приучен.

Он оттолкнулся от стойки и неторопливо направился к ней, нависая всей своей двухметровой громадой.

— Правило первое: ты не покидаешь территорию башни без моего прямого разрешения и личного сопровождения Руслана. Никаких прогулок в одиночку. Все, что тебе потребуется — одежда, косметика, книги — закажешь через консьерж-сервис. Любой каприз доставят за полчаса. Но за пределы периметра — ни шага. Коваль бешеный пес. И если ты попадешься его людям снова — вытаскивать во второй раз я не стану.

Мирослава сжала зубы, сдерживая протест:

— Я поняла. Второе правило?

— Выданный титановый телефон всегда находится при тебе. Ты отвечаешь с первого гудка в любое время суток. Если я звоню — бросаешь все дела и снимаешь трубку. Задержка ответа карается жесткими санкциями вплоть до домашнего ареста без права пользования интернетом.

— А третье?

— Днем в офисе ты остаешься моим референтом: готовишь отчеты, фильтруешь звонки, ведешь протоколы встреч. Вечером — ты моя официальная женщина. Ты сопровождаешь меня на всех раутах, благотворительных приемах и деловых ужинах. Улыбаешься тем, кому улыбаюсь я, и держишь меня за руку перед камерами репортеров. Выглядишь безупречно, дорого и недостижимо для других мужчин.

— Кукла на поводке, — горько бросила она.

— Залог, — жестко поправил он. — Залог ценой в тридцать миллионов рублей и жизнь твоей сестры. Вопросы есть?

— А если я завтра утром соберу саквояж и скажу, что с меня хватит?

Беркут сделал полшага вперед. Дистанция между ними растаяла.

Его мускулистое тело излучало тяжелый жар. Запах вирджинского табака, терпкого черного перца и кедра заполнил ее легкие, заставляя голову кружиться. Мирослава замерла, боясь шелохнуться, чувствуя, как его дыхание касается ее лба.

Глеб медленно поднял правую руку.

Его широкая ладонь — горячая, шершавая, с плотными мозолями бойца — коснулась ее подбородка. Пальцы заставили Мирославу чуть приподнять лицо. Большой палец неторопливо очертил контур напряженной челюсти, скользнул к трепещущей на шее жилке пульса и поднялся к мочке уха.

По телу девушки прокатилась острая, обжигающая волна. Внизу живота сладко и тяжело потянуло, колени предательски ослабли, дыхание сбилось на судорожный полувздох.

Беркут склонился ниже. Его губы замерли в полусантиметре от ее приоткрытого рта:

— Ты уйдешь отсюда только тогда, когда я сам открою перед тобой эти двери, птичка, — прошептал он ей прямо в губы низким баритоном, от которого по позвоночнику побежали электрические разряды. — И ни одной секундой раньше. Ты сама назвала свою цену. Я заплатил сполна. И я намерен получить с этой сделки максимум дивидендов.

Он не стал целовать ее, хотя одно легкое движение решило бы всё. Он лишь упивался ее растерянностью, сбитым ритмом сердца и гордой дрожью в глазах.

Затем Беркут плавно опустил руку, разрывая контакт. Мирославу качнуло от внезапной пустоты.

Глеб повернулся и указал на парящую галерею второго яруса, куда вела лестница из каленого стекла:

— Твоя спальня на втором уровне, слева. Собственная ванная комната, гардеробная и выход на террасу. Все необходимое для первой ночи найдешь в шкафу. Завтра утром приедут стилисты с новым гардеробом.

Он сделал паузу, повернув к ней жесткий профиль с темной щетиной:

— Моя спальня — прямо напротив, через стеклянную галерею. И запомни самое главное правило этого дома, Мирослава. Я категорически не терплю закрытых на замок дверей. Попробуешь запереться изнутри — Руслан снесет замок монтировкой, а остаток ночи ты проведешь в моей постели. Ты меня поняла?

— Поняла, — выдавила она пересохшими губами, оглядываясь на оставленный у входа саквояж.

Мирослава забрала саквояж с консоли и, хромая, поднялась по стеклянным ступеням.

Поднявшись на галерею, она толкнула тяжелую дверь из матового дымчатого стекла.

В спальне царил мягкий сумрак. Колоссальных размеров кровать King-size под угольно-черным шелковым покрывалом занимала центр комнаты. За панорамным витражом мерцали огни спящей Москвы. На прикроватной тумбе стоял хрустальный графин с водой, а в воздухе тонко пахло белым сандалом.

Мирослава вошла, поставила саквояж на пол и медленно прикрыла за собой дверь.

Она взялась за латунную задвижку замка. Пальцы коснулись холодного металла. Рука дрогнула. Перед внутренним взором встали ледяные серые глаза Беркута и его предупреждение: «Попробуешь запереться — проведешь остаток ночи в моей постели».

Она бессильно разжала пальцы, оставляя защелку открытой, а саму дверь — притворенной на пару сантиметров.

И в этот миг из темного, пустого холла внизу донесся сухой, отчетливый звук.

Металлический щелчок колесика кремневой зажигалки Zippo.

В узкой щели приоткрытой двери на секунду вспыхнул крошечный желтый язычок огня. В его свете четко проступили хищные черты Глеба Беркута: резкая челюсть, темная щетина и

штормовые глаза, устремленные на ее дверь. Он глубоко затянулся сигариллой, кончик которой тлел багровым углем во тьме, и выпустил вверх струю горького дыма.

Он стоял там. Наблюдал. Контролировал каждый ее вздох.

Золотая клетка захлопнулась наглухо.

Глава 5

Тяжелый, свинцовый рассвет медленно вползал в панорамные стекла пятьдесят второго этажа, разрезая густой полумрак огромной спальни. На такой заоблачной высоте утро не имело привычных звуков живого города: внизу осталась земля с дребезжащими трамваями, ревом моторов и серым смогом проспектов. Здесь, под самым небом делового квартала, стояла плотная, давящая тишина. Сквозь нее пробивался лишь ровный шелест климатической системы, нагнетающей в комнату стерильный воздух с тонкой нотой озона и сухого можжевельника.

Мирослава открыла глаза и долго лежала неподвижно, глядя в высокий темный потолок со скрытой мягкой подсветкой.

Каждая мышца ее тела ныла тупой, изматывающей болью. В памяти вспыхивали кошмарные кадры минувшей ночи: сырой бетон подземного паркинга башни «Беркут Плаза», черная туша внедорожника без номеров, вонь перегара громилы Коваля, зажавшего ей рот перчаткой... И затем — рев мотора «Майбаха», визг тормозов, удар бампера в жесть и тяжелая поступь Глеба Беркута. Человек, на которого она работала личным помощником полгода, считая его безупречной гранитной машиной, вчера за пару секунд превратился в безжалостного хищника. Он сломал сустав бандиту голыми руками, впечатал второго в колонну, а потом легко поднял ее, дрожащую и босую, на руки и унес в свой личный лифт.

А затем последовал ледяной ультиматум в кабинете на пятидесятом этаже: двадцать миллионов долга сбежавшего отчима, выкупленные расписки, угроза продажи семнадцатилетней Алисы в подпольный притон и жесткий приговор: «Статус женщины Беркута без обязательств. Ты переезжаешь ко мне в пентхаус. Месяц под моей крышей — пока я не сотру Коваля в пыль».

Мирослава медленно повернула голову на подушке.

Она лежала на циклопической кровати под графитовым одеялом из матового итальянского сатина. Все вокруг кричало о запредельной роскоши: панели из темного дымчатого дуба,

прикроватные консоли из лабрадорита, раздвижные гардеробные двери из бронзового стекла. На прикроватной тумбе лежал тяжелый матовый брусок нового титанового смартфона с защищенным каналом связи — взамен ее старого телефона, который Беркут без колебаний разломал пополам в ее спальне.

А в углу комнаты возле стеклянной двери сиротливо приткнулся ее единственный багаж: потертый кожаный саквояж с тугой латунной молнией — все, что она вчера успела собрать в родительской квартире.

В тишине комнаты раздался короткий электронный зуммер.

После короткого стука повернулась дверная ручка. Дверь плавно отворилась, и в спальню мягкой походкой вошла женщина лет сорока с идеально уложенным платиновым каре, в узкой юбке-карандаше и на шпильках, цокавших по паркету. Следом двое молодых ассистенток в одинаковых черных костюмах и белых нитяных перчатках вкатили на резиновых колесиках хромированные передвижные рейлы.

Вешала плотно были забиты вещами. На тонких деревянных вешалках струились платья из легкого кашемира дымчато-серых, пудровых и молочных оттенков, блузы из матового шелка, шерстяные жакеты с ручной обметкой петель, мягкие палатки. Снизу стояли ряды обувных коробок с логотипами миланских мастерских, а на бархатном лотке лежали сложенные стопками комплекты тончайшего шелкового белья пудровых тонов.

Мирослава мгновенно подобрала ноги, натягивая сатиновое одеяло до подбородка. В ее карих глазах с золотистыми искрами вспыхнула яростная настороженность.

— Доброе утро, Мирослава Дмитриевна, — произнесла женщина с безупречно вышколенной улыбкой. — Меня зовут Инга. Я руковожу студией персонального стиля. Глеб Сергеевич отдал прямое распоряжение укомплектовать вашу дневную капсулу до восьми утра. Нам необходимо сверить мерки и провести примерку базовых комплектов.

Инга сделала шаг вперед, доставая узкую шелковую сантиметровую ленту.

Мирослава рывком откинула одеяло и поднялась с кровати во весь рост.

Перед сном она переоделась в домашнюю футболку и узкие спортивные легинсы. Босые ступни обожгло холодом дубового пола. Не обращая внимания на застывших женщин, Мирослава подошла к саквояжу, расстегнула заедающую молнию и достала старые синие джинсы и темно-зеленый свитер крупной вязки с вытянутыми рукавами. Сняла легинсы, натянула джинсы, защелкнула медную пуговицу, через голову надела свитер и встала между рейлами и кроватью, скрестив руки на груди.

— Заберите это все и убирайтесь, — ее голос прозвучал глухо, но отчетливо, с вибрирующей стальной жилкой. — Немедленно.

Инга даже бровью не повела:

— Мирослава Дмитриевна, вы не вполне понимаете ситуацию. Глеб Сергеевич лично утвердил цветовую гамму и фактуры. Это Loro Piana и Brunello Cucinelli. Спокойный минимализм, приличествующий женщине его круга. Пожалуйста, снимите этот свитер. Мне нужно снять точный объем плечевого пояса и длину спины.

— Я сказала: пошли вон! — Мирослава шагнула вперед, сжимая пальцы в кулаки до побелевших костяшек. — Я не комнатная болонка вашего босса и не кукла, которую можно наряжать в шелка по свистку! Мой контракт с Беркутом — вынужденная сделка ради спасения сестры, а не продажа в гарем! У меня есть своя одежда, купленная на заработанные деньги. Я не притронусь к вещам, купленным за его подачки!

Ассистентки испуганно переглянулись и вжали головы в плечи. Инга сухо поджала губы, достала телефон и набрала номер:

— Глеб Сергеевич. Препятствие при формировании гардероба. Клиентка срывает примерку.

Она не успела договорить.

В глубине коридора раздались тяжелые, размеренные шаги. Этот шаг Мирослава выучила за полгода работы: так ходил только один человек — хищник высшей категории, чье появление мгновенно заставляло людей вжиматься в стены.

Дверной проем заполнила массивная фигура Беркута.

Глеб стоял на пороге, заложив руку в карман темно-серых брюк. Белая сорочка с расстегнутым воротом обнажала основание мощной шеи с вздувшейся жилой, рукава были закатаны до предплечий, открывая плотные мышцы. На скуле мужчины темнела аккуратная щетина, а серые глаза оттенка штормовой волны смотрели тяжело, насквозь. Запах его крепкого табака, кедровой смолы и свежемолотого черного перца мгновенно вытеснил синтетическую отдушку парфюма.

Взгляд Беркута скользнул по испуганным помощницам, по вешалам с кашемиром и остановился на Мирославе — растрепанной, в растянутом зеленом свитере, с пылающим лицом и сжатыми кулаками.

— Оставьте нас, — негромко произнес Глеб.

Инга и помощницы мгновенно растворились в воздухе, выкатив за собой один из рейлов и прикрыв дверь.

Мирослава осталась стоять посреди спальни, часто дыша:

— Вы не посмеете, — хрипло выговорила она. — Вы можете держать меня в этой стеклянной клетке, можете приставить ко мне конвой, но вы не заставите меня носить ваши тряпки! Я архитектор, а не ваша содержанка! Я требую оставить мне право одеваться так, как я считаю нужным!

Беркут не ответил. Неторопливо подошел к углу комнаты, где лежал ее старый кожаный саквояж. Подцепил ручку двумя пальцами, словно пакет с бытовым сором, и развернулся в сторону лифтового холла.

— Что вы делаете?! — Мирослава метнулась за ним. — Положите на место! Не смейте!

Она выбежала в холл. Беркут уже стоял у боковой сервисной панели возле шахты лифта. Его палец коснулся сенсора. Стальные створки технического люка с шипением разошлись в стороны, открывая глубокий колодец служебного мусоросборника башни. Из темного зева потянуло сухим пыльным воздухом.

Глеб занес саквояж над бездной и разжал пальцы.

Баул со свистом сквозняка ухнул в темноту. Сенсор моргнул алым диодом, стальные створки с металлическим лязгом сомкнулись обратно.

— Твои обноски отправятся в печь, Мирослава. — Беркут повернулся и встал между ней и закрытым люком. — Женщина, которая живет под моей крышей и носит статус моей спутницы, не будет ходить в обносках. Этот хлам отправят на утилизацию. И твоя прежняя нищенская жизнь — вместе с ним.

Внутри Мирославы словно сорвало тугой металлический трос.

— Ты чудовище! — выкрикнула она, теряя остатки разума. — Там были мамины альбомы! Мои студенческие дипломы, эскизы реставрации фресок, которые я чертила по ночам три года! Ты уничтожил мою память! Ненавижу тебя!

Она бросилась на него вслепую. С размаху ударила кулаками в его твердую грудь. Удар пришелся в плотный батист сорочки, но Беркут даже не покачнулся. Мирослава ударила снова, вцепилась пальцами в ворот его рубашки, сминая ткань, отрывая перламутровую пуговицу. Слезы ярости и бессилия застилали глаза:

— Ненавижу! Будь ты проклят со своими миллионами!

В глазах Беркута вспыхнула опасная тьма.

Широкая, шершавая ладонь Глеба железным кольцом сомкнулась вокруг ее тонких запястий, скручивая их вместе. Одним сокрушительным рывком он притянул ее к себе, вжимая кисти девушки в собственную грудную клетку.

Мирославу припечатало к его телу. Сквозь ткань рубашки она ощутила бешеный, раскаленный стук его сердца и литой жар грудных мышц. Ее бедра оказались прижаты к его ногам, запах табака, кедра и нагретой кожи заполнил легкие, лишая возможности вдохнуть.

Глеб наклонился к ее лицу так близко, что его щетина оцарапала кожу ее виска:

— Заткнись, Мира. И слушай меня внимательно.

Его пальцы на ее запястьях сжались чуть сильнее, заставляя ее вскрикнуть от тугой боли.

— Все твои дипломы, чертежи, фотографии матери и серебряный кулон Руслан утром, до твоего пробуждения, вынул из саквояжа и положил в мой кабинетный сейф. Руслан отдаст их тебе по первому требованию.

Мирослава замерла, широко распахнув влажные карие глаза:

— Ты... спрятал их?

— Я спас их от твоей глупости, — отрезал Глеб, не ослабляя стальной хватки. Его взгляд впился в ее вздрагивающие губы с тяжелым вниманием. — А теперь прекрати эту детскую истерику. Вернись в спальню. Надень светло-серое кашемировое платье. И через пять минут выйди на кухню. Если заставишь меня ждать — я лично вернусь в комнату, сорву этот зеленый мешок собственными руками и одену тебя сам. Ты меня поняла, птичка?

Он наклонил голову, и его жесткие губы мазнули по ее пылающей щеке возле самого уха. От этого мимолетного касания по позвоночнику Мирославы пробежал раскаленный разряд, ударивший под колени. Дыхание перехватило.

Беркут резко разжал пальцы.

Мирослава отшатнулась к мраморной стене, тяжело хватая ртом воздух. Запястья пылали белыми полосами от его пальцев.

Глеб оправил ворот, глядя на нее в упор:

— Время пошло, Мирослава. Пять минут.

Глава 6

Светло-серый кашемир струился по телу с мягкой, вкрадчивой податливостью дорогой ткани. Платье сидело безупречно: закрытый круглый ворот целомудренно прятал ключицы, узкие рукава плотно обтягивали запястья, на которых еще багровели следы пальцев Беркута, а струящийся подол мягко облегал бедра и опускался чуть ниже колен.

Мирослава спустилась по широким ступеням на первый уровень пентхауса. В просторной кухне-гостиной царил утренний свет. Сквозь огромные панорамные стекла на северную сторону открывался захватывающий вид на ленту Москвы-реки, серебристые изгибы эстакад и плотную сетку высотных кварталов в синеватой дымке.

В воздухе плыл терпкий аромат свежесваренного эспрессо, теплого сливочного масла, жареного миндаля и свежего хлеба.

Посреди кухни монолитной скалой возвышался пятиметровый остров из черного лабрадорита с синими кристаллическими искрами. За ним, на высоком барном стуле из темной кожи, сидел Глеб.

Он уже сменил рубашку: теперь на нем был темно-синий трикотажный лонгслив, плотно обтягивавший его широкие плечи и мощную грудь, и строгие темные брюки. Перед ним стояла чашка костяного фарфора и лежал тонкий карбоновый планшет с бегущими биржевыми графиками.

На камне острова был накрыт безупречный завтрак: подогретая корзинка с круассанами, блюдо с ломтиками инжира, зернами граната и свежей белой рикоттой, вазочка с тимьяновым медом и тарелки с горячим омлетом со шпинатом.

Мирослава подошла к острову. Беркут сдвинул планшет, освобождая место рядом с собой:

— Садись. Кофе налит, омлет остывает.

Мирослава не ответила. Обошла остров по широкой дуге, намеренно выбрав самый дальний стул в четырех метрах от него. Опустилась на край, выпрямила спину, положила руки на колени и замерла. К серебряным приборам она не притронулась.

Глеб сделал глоток кофе, перелистнул страницу на планшете и поднял тяжелый взгляд. Серые глаза скользнули по кашемиру на ее плечах, задержались на бледном лице и опустились к нетронутой тарелке:

— Я не вижу вилки в твоей руке, Мирослава.

— У меня нет аппетита, — ее голос прозвучал сухо. — Заключение не обязаны изображать семейную идиллию за завтраком с тюремщиком.

Глеб медленно опустил чашку на блюдце. Звон фарфора о камень прозвучал в тишине резко, словно щелчок курка:

— Ты весишь сорок восемь килограммов, Мира. Твоя мать имеет больное сердце, а ты последние три недели питалась пустой лапшой и чаем, выплачивая проценты за сбежавшего отчима. Ты вчера едва держалась на ногах. Мне не нужна падающая в обмороки кукла. Ешь.

— А то что? — Мирослава резко повернула голову, в ее глазах полыхнул огонь бунта. — Вызовете охрану? Засунете еду силой? Вы выбросили мои вещи, сломали телефон, заперли на пятьдесят втором этаже. Но вы не можете заставить меня есть по приказу. Я объявляю голодовку, пока вы не дадите мне связаться с сестрой.

Глеб задержал взгляд на ее нетронутой тарелке. Мирослава отодвинула ее еще на ладонь, принимая вызов.

Он ничего не ответил. Взял планшет, коснулся экрана, развернул устройство и сильным движением толкнул его по гладкому полированному камню.

Планшет заскользил и с тихим стуком остановился ровно перед руками Мирославы.

Она невольно опустила взгляд.

На экране в режиме реального времени шла прямая трансляция. Светлая, залитая утренним солнцем столовая с высокими арочными сводами. За круглым столом у окна сидела семнадцатилетняя Алиса. На ней был чистый бежевый джемпер, волосы аккуратно заплетены в косу. Девушка с аппетитом намазывала джем на круассан, смеясь над шуткой подруги, а на стуле рядом стоял знакомый черный футляр со скрипкой.

У выхода стоял оперативник Беркута. Когда в столовую вошла женщина с подносом, он проверил ее пропуск и отступил, освобождая дорогу.

У Мирославы перехватило дыхание. Пальцы потянулись к экрану, коснувшись холодного стекла:

— Алиса...

— Закрытый музыкальный пансионат «Серебряный бор» на Новой Риге, — негромко заговорил Глеб, и каждый слог впечатывался в ее сознание. — Территория в двадцать гектаров соснового леса, круглосуточная охрана, видеонаблюдение. Алиса зачислена на специальный курс профессора Шестакова. Ее инструмент застрахован, обучение оплачено на два года вперед. Ни один человек Ковалья не подойдет к ней ближе, чем на километр.

По щеке Мирославы скатилась слеза облегчения. Она сглотнула ком в горле:

— Зачем?.. Зачем вы все это делаете? Двадцать миллионов долга... пансионат... охрана... Столько денег ради чужой девчонки?

— Затем, что я держу слово, — отрезал Глеб, поднимаясь во весь свой огромный рост. — Но у договора есть две стороны, Мирослава. Безопасность Алисы гарантирована до той секунды, пока ты соблюдаешь мои правила. Одно из них — ты ешь то, что подано, и бережешь здоровье. Если начнешь устраивать истерики и морить себя голодом — охрана снимется через пятнадцать минут. И к полудню люди Ковалья перехватят Алису на выходе из парка. Выбирай.

— Нет! — вырвалось у нее в паническом ужасе. — Пожалуйста... Не трогайте ее!

— Тогда смотри на меня, — приказал он.

Тяжелые шаги прошуршали по ковру. Беркут обошел остров и остановился вплотную за ее плечом. От него повеяло жаром, кедром и силой. Он наклонился, взял с фарфорового блюда теплый тост со сливочной рикоттой, ломтиком спелого инжира и прозрачной каплей тимьянового меда.

Повернулся и поднес кусок прямо к ее лицу.

Его ладонь была в сантиметре от ее губ. Мирослава чувствовала сухое тепло его пальцев, видела темную щетину на челюсти и серые глаза, смотревшие с первобытной требовательностью:

— Ешь, Мира. С моих рук.

Сердце колотилось в горле. Гордость требовала оттолкнуть его руку, сбросить тост на пол, но на экране безмятежно улыбалась Алиса. Ради этой улыбки Мирослава была готова вытерпеть все.

Глядя прямо в глаза Беркута, она медленно приоткрыла губы и осторожно откусила край тоста.

Взрыв вкуса ошеломил ее: сладость инжира, нежный сыр, хруст зерновой корочки... Она проглотила кусок, чувствуя, как пища возвращает силы.

Но на ее нижней губе осталась крошечная янтарная капля меда.

Мирослава хотела слизнуть ее, но не успела.

Тяжелая, шершавая подушечка большого пальца Беркута легла на ее губу. Медленно, с властным нажимом, обжигая кожу раскаленным прикосновением, его палец провел по кайме губ, собирая медовую каплю.

Мирославу прошибло судорожной дрожью от макушки до пят.

Глеб не убрал руку. Глядя прямо в ее расширившиеся глаза, он поднес большой палец к собственным губам и медленно слизал янтарную каплю языком.

— Сладкая, — хрипло произнес он, и в его голосе прозвучала такая откровенная чувственная угроза, что у Мирославы закружилась голова. — А теперь доешь весь омлет и выпей кофе. До последней капли.

Он выпрямился, бросил салфетку на стол и взглянул на часы:

— В одиннадцать Руслан привезет из офиса твои рабочие ноутбуки и чертежные планшеты. Будешь работать над проектом реставрации усадьбы Куракиных дистанционно. Из пентхауса без моего разрешения — ни шагу. Вечером проверю отчетность.

Беркут развернулся и ушел к лифту. Раздался шелест створок, гул кабелей в шахте, и пентхаус погрузился в тишину.

Мирослава осталась сидеть одна с серебряной вилкой в руке, а ее губы все еще горели от прикосновения его пальца.

Глава 7

Ночь накрыла башню непроницаемым сине-черным куполом. В два часа пополудни огромный пентхаус казался покинутым кораблем, дрейфующим над океаном огней. Внизу, за тройными бронированными стеклами, тянулись золотые нити Садового кольца, вспыхивали рубиновые габариты редких ночных машин и мигали белые маяки на шпилях сталинских высоток.

Мирослава металась по огромной кровати в гостевой спальне, не в силах сомкнуть глаз.

Весь день прошел в отупляющей работе: Руслан привез защищенные ноутбуки и чертежи по реставрации фасадов исторической усадьбы. Она чертила до боли в пальцах, пытаясь заглушить навязчивые мысли о сделке, сестре и тяжелом взгляде серых глаз Беркута. Глеб вернулся далеко за полночь. Сквозь закрытую дверь она слышала рокот его голоса по связи, стук закрываемого сейфа в кабинете и наступившую следом тишину.

В комнате было невыносимо душно. Климатическая система исправно гнала прохладный воздух, но кожу Мирославы жгло нервным жаром. Горло пересохло так, словно она глотала сухой песок.

Она сбросила сатиновое одеяло и поднялась с постели.

На ней была лишь тонкая белая майка на узких бретелях без белья и короткие спальные шорты. Босые ступни бесшумно опустились на темный паркет. Стараясь не производить ни единого шороха, Мирослава толкнула дверь и скользнула в темный коридор.

В холле и гостиной царил глубокий сумрак, разбавленный лишь синеватым светом далеких огней. Мирослава подошла к массивному острову из лабрадорита, где стоял хрустальный графин с родниковой водой.

Дрожащими пальцами она нащупала стакан, налила ледяную воду до краев и жадно припала к стеклу.

Холодная влага обожгла пересохшие связки. Мирослава пила торопливыми, глубокими глотками, запрокинув голову назад. Пара капель сорвалась с края стакана, покатилась по тонкой шее, задержалась в пульсирующей ямочке между ключицами и впиталась в ткань белой майки.

В этот момент в полумраке раздался сухой металлический звук.

Щелк.

Золотистая вспышка кремня разрежала темноту у панорамного окна. Пламя зажигалки выхватило из мрака хищные черты лица: крутой лоб, перебитую переносицу, щетину и тяжелую челюсть Беркута. Он поднес огонек к кончику короткой сигариллы. Табак затлел багровым углем, и по комнате поплыл густой дым с ароматом вишневой косточки и кедра.

Мирослава вздрогнула всем телом. Стакан в пальцах опасно накренился, расплескав ледяную воду на босые пальцы ног.

— Не спится, Мира? — негромко донеслось из темноты.

Его голос в ночной тишине прозвучал бархатно и низко, с хриплыми вибрациями, от которых у нее перехватило дыхание.

Глеб медленно поднялся из глубокого кожаного кресла.

Он подошел ближе, и холодный лунный свет упал на его фигуру, заставив сердце Мирославы замереть.

На нем не было рубашки — только свободные домашние брюки из тонкого черного хлопка на бедрах и босые ноги. Его мощный торс с широким разворотом плеч, рельефными пластами грудных мышц и глубокими кубиками пресса казался высеченным из темного камня. Но главное — шрамы: на правом плече белел след от старого пулевого ранения, а наискось через нижние ребра тянулась длинная борозда от ножевого удара. Тело бойца, пробивавшего путь наверх сквозь настоящую кровь.

Глеб потушил сигариллу в хрустальной пепельнице и сделал неторопливый шаг вперед.

Мирослава отступила, поставила стакан на остров и уперлась поясницей в его край.

Через секунду Беркут вырос прямо перед ней. Он оперся обеими тяжелыми ладонями о край гранитной столешницы по обе стороны от ее бедер, запирая ее в узкий, раскаленный капкан своего присутствия.

От него веяло чистым жаром мужского тела, горьким табаком, кедром и опасной силой.

Мирослава откинулась назад, опираясь ладонями о столешницу. Дыхание стало частым, прерывистым. Тонкая ткань белой майки от ночной прохлады натянулась на груди, отчетливо очерчивая твердые, возбужденные соски, а бедра отделяли от его тела считанные миллиметры.

Серые глаза Глеба казались черными. Взгляд мужчины медленно скользил по ее лицу, спустился к приоткрытым губам, к тонкой шее, где блестела капля воды, и замер на вздымающейся груди:

— Я... я просто хотела выпить воды, — ее голос сорвался на шепот. — Пустите меня. Мне нечем дышать.

— Дыши мной, — глухо отозвался Беркут.

Он не отступил ни на миллиметр. Напротив — подался вперед. Его мускулистое бедро коснулось ткани ее шорт, обжигая кожу раскаленным железом:

— Ты дрожишь, птичка. Боишься меня?

— Я ненавижу вас, — выдохнула она, отчаянно пытаясь удержать контроль. Но ее собственное тело бунтовало: внизу живота скручивался пульсирующий узел жара, колени слабели, а пульс колотился в горле.

— Лгунья, — хрипло произнес Глеб.

Он медленно опустил голову.

Мирослава зажмурилась, приготовившись к поцелую в губы, но его горячие, сухие губы коснулись обнаженной кожи у основания шеи. Медленно, с мучительной неспешностью он

повел губами вниз и остановился точно в той пульсирующей ямочке под ключицей, где лихорадочно билась артерия и стыла холодная капля воды.

Глеб жадно втянул воздух, вбирая ее естественный аромат белого жасмина и ванили, а затем коснулся этой точки горячим языком и прижался губами в глубоком, собственническом поцелуе.

Мирославу пронзила сокрушительная волна наслаждения, ноги подогнулись.

С ее губ сорвался сдавленный стон:

— Глеб...

Ее руки сами взметнулись вверх и уперлись в его обнаженные плечи. Пальцы судорожно впелись в тугие мышцы, сминая гладкую ткань пулевого шрама. Мужчина под ее ладонями был раскален, как печь.

При звуке своего имени Беркут глухо зарычал.

Его ладонь легла на ее затылок, пальцы запутались в каштановых волнах волос, запрокидывая ее голову назад. Его дыхание обожгло ее приоткрытые губы:

— Скажи еще раз. Скажи, что ненавидишь меня, пока твое тело плавится в моих руках.

Мирослава смотрела в его потемневшие от безумного голода глаза и понимала: еще одна секунда — и он сомнет сопротивление, поднимет на каменный остров и возьмет прямо здесь, в лунном свете. И самое страшное — ее тело отчаянно жаждало этого падения.

Мышцы спины Глеба окаменели. Он тяжело втянул воздух сквозь зубы. Желваки на его челюсти заходили ходуном. Было видно, чего стоила ему эта внезапная остановка на краю обрыва.

Он медленно оторвал губы от ее шеи.

Пальцы на затылке разжались, выпустив шелковистые пряди. Беркут сделал шаг назад:

— Иди в спальню, Мирослава. Немедленно. Закрой дверь. И не выходи до утра. Пока я еще помню, что обещал тебе месяц без постели.

Мирослава выскользнула из капкана и почти бегом помчалась по коридору.

Влетела в спальню, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, сползая на пол. Тело сотрясала непрекращающаяся дрожь, сердце колотилось так, словно готово было пробить ребра, а точка под ключицей, где запечатлелся поцелуй Беркута, пылала сладким, нестерпимым огнем.

Яркое полуденное солнце заливало открытую террасу пентхауса золотым светом. На высоте двухсот метров дул свежий осенний ветер, трепавший темно-каштановые пряди волос Мирославы. Стеклопакеты ограждения из триплекса защищали от порывов, но ощущение бездны под ногами заставляло кровь бежать быстрее.

Мирослава стояла у самого края террасы, опираясь ладонями на металлический поручень. На ней были шерстяные брюки кремового цвета и молочная водолазка из шелка и кашемира. Высокий воротник водолазки плотно закрывал шею, надежно пряча багровый след ночного поцелуя Беркута. След все еще ныл тупым жаром при каждом движении, напоминая о том, как близко она подошла к краю пропасти минувшей ночью.

В кармане брюк настойчиво жужжал смартфон.

Мирослава достала аппарат. На экране высветился ряд push-уведомлений от государственного портала судебных приставов и ведущего банка страны.

«Внимание! Наложен арест на расчетный счет №...4812 (пенсия Ямпольской А.В.). Основание: исполнительный лист Замоскворецкого суда по иску ООО "Альфа-Инвест" на сумму 14 500 000 руб.»

Следом всплыло второе сообщение:

«Регистрационная палата: наложен арест на объект жилой недвижимости (г. Москва, ул. Малая Ордынка, кв. 14). Взыскание по обеспечению залоговых обязательств поручителя».

А через секунду экран озарился входящим вызовом: «Мама».

Мирослава с замершим сердцем провела пальцем по экрану:

— Мама? Что случилось?!

Из динамика донесся прерывистый плач:

— Мирочка... доченька, господи... Они здесь! Приставы и какие-то амбалы в кожанках...

Опечатывают дверь! Сказали, что отчим оформил поручительство на нашу квартиру перед своим побегом! Дали два часа на сборы, грозятся выставить вещи на улицу! Карточку заблокировали, у меня даже на лекарства от давления нет ни копейки! Мира, что нам делать?! Где мы будем жить?! Сердце... так давит в груди...

— Мама, успокойся! Ничего не подписывай! — закричала Мирослава, чувствуя, как ледяной ужас сковывает горло. — Закройся на задвижку, вызови участкового!

— У них постановление Замоскворецкого суда на руках, доченька! Участковый развел руками и ушел... Мира, мне плохо...

Связь оборвалась гудками.

Глава 8

Мирослава пошатнулась. Коваль! Этот шакал понял, что Алису в «Серебряном бору» достать невозможно, а саму Мирославу укрыл Беркут, и нанес удар в спину — по больной матери! Четырнадцать с половиной миллионов липового поручительства через подставную контору «Альфа-Инвест»! Мать с ее гипертоническим кризом просто не переживет ночи на улице!

— Нет... только не это... — прошептала она, сжимая смартфон дрожащими пальцами.

— Что с твоим лицом, Мирослава?

Она узнала голос и придержала ладонью телефон у груди.

Мирослава резко обернулась.

Сквозь раздвижную дверь на террасу вышел Глеб Беркут. На нем был безупречный темно-синий костюм-тройка индивидуального пошива, белоснежная сорочка с идеальной стойкой воротника и шелковый галстук цвета воронова крыла с платиновым зажимом. Она вцепилась взглядом в его застегнутый воротник. Ночью могла коснуться этой шеи; теперь опять искала слова, с которых начинают просьбу к начальнику.

Он мгновенно оценил ее побелевшее лицо и дрожащие руки. В два широких шага сократил расстояние и властно вынул телефон из ее онемевших пальцев. Его серые глаза пробежали по тексту уведомлений:

— Коваль пустил в ход резервную фальшивку, — констатировал он без единой эмоции.

— Глеб Сергеевич, умоляю! — Мирослава обеими руками вцепилась в плотную шерсть лацкана его пиджака, заглядывая в его непроницаемые глаза снизу вверх. — У мамы большое сердце! Она в предынфарктном состоянии! Приставы опечатывают квартиру, счета заблокированы! Коваль убьет ее! Пожалуйста... сделайте что-нибудь! Вы же обещали!

Беркут опустил взгляд на ее руки, судорожно сжимавшие его лацкан. Его широкая ладонь легла поверх ее пальцев — тяжелая, горячая, дарующая абсолютную защиту:

— Успокойся, Мира. Дыши ровно. Никто твою мать не тронет.

Он достал свой защищенный моноблок, нажал вызов и прижал трубку к уху. Гудок прошел всего один.

— Семенов? — произнес Беркут тихим, но ледяным тоном, от которого воздух на террасе словно замерз. — Здравствуй. Мне глубоко плевать, что у тебя идет закрытая коллегия в министерстве. Слушай сюда и запоминай с первого раза. Ровно двадцать минут назад судебный пристав Замоскворецкого отдела Гусев наложил обеспечительный арест на счета и квартиру на Ордынке, принадлежащую Ямпольской Анне Викторовне. Основание — филькина грамота от помойки "Альфа-Инвест", принадлежащей Ковалю.

На том конце послышался испуганный, торопливый лепет чиновника. Беркут не дал ему договорить:

— Мне не интересны оправдания, Семенов. Даю тебе ровно тридцать минут. Через тридцать минут незаконное взыскание должно быть остановлено. Арест со счетов снят, отметка в Росреестре аннулирована. Приставов от дверей отозвать с официальными письменными извинениями за технический сбой в базе данных. Материалы на пристава Гусева передать в собственную безопасность к двум часам дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.